

Young & Free

ДЖЕССИКА
КНОЛЛ

*Счастливые
девочки
не умирают*

Москва
2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К53

Jessica Knoll
LUCKIEST GIRL ALIVE

Copyright © 2015 by Jessica Knoll
Originally published by Simon & Schuster, Inc

Фото автора © Leslie Hassler

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Яны Красовской*
Художественное оформление серии *Петра Петрова*

Кнолл, Джессика.

К53 Счастливые девочки не умирают : [роман] /
Джессика Кнолл ; [пер. с англ. Я. Красовской]. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. —
(Young & Free).

ISBN 978-5-699-92120-1

От прошлого не спастись, но Тифани верит, что на какое-то время удастся от него сбежать. Она ведет колонку в известном журнале и планирует свадьбу с любимым мужчиной, когда на ее след выходят местные репортеры. Они жаждут сенсаций, а еще — откровений, которые могли бы пролить свет на страшную трагедию, унесшую жизни нескольких человек. Трагедию, которая разрушила десятки семей, а Тифани чуть не сделала убийцей.

Нам предстоит окунуться в прошлое героини. Мы увидим все так, словно были с ней рядом: частная школа, долгожданная вечеринка, мальчик в лесу, безнаказанность и жестокость... И мгновение в столовой, разделившее ее жизнь на «до» и «после».

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Красовская Я., перевод на русский
язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-92120-1

Глава 1

Я повертела нож в руках.

— А это «Шан». Он легче «Вустгофа», чувствуете?

Я тронула пальцем заостренную пятую лезвия и крепко сжала рукоять, которая быстро намочила и заскользила в руке, хотя была, по утверждению производителя, выполнена из нескользящего материала.

— По-моему, эта модель лучше прочих подходит такой...

Я подняла глаза на консультанта, приготовившись к эпитету, которым обычно награждают невысоких женщин, претендующих на худобу.

— ...миниатюрной девушке, — закончил он и улыбнулся, полагая, что умело польстил. Нет чтоб сказать «стройная», «элегантная», «грациозная», — такой комплимент меня, пожалуй, обезоружил бы.

К рукояти ножа потянулась другая рука, гораздо светлее моей.

— Можно подержать?

Я снова подняла глаза — на своего жениха, стоящего рядом. Слово «жених» раздражало меня не так сильно, как следующее за ним. «Муж». Оно туго затягивало корсет, сдавливая внутренности, паникой сводило горло и заставляло сердце бешено

но колотиться, посылая сигнал тревоги. Я могла бы не разжимать пальцев. Легко и бесшумно всадить клинок из нержавеющей стали с никелевым покрытием (определенно, «Шан» — он мне больше понравился) прямо ему в живот. Консультант, надо полагать, лишь сдержанно ойкнет. А вот мамашка позади него, с сопливым карапузом на руках, завизжит во весь голос. Сразу видно скучающую истеричку (взрывоопасная смесь) — будет со слезами в голосе и злорадным ликованием в сердце пересказывать происшествие набежавшим репортерам.

Вечно готовая бить или бежать, я поскорей отдаю нож, пока не успела нанести удар.

— Все это очень волнительно, — сказал Люк, когда мы вышли из посудного магазина на Пяťдесят девятую улицу и нас напоследок обдало ледяным воздухом из кондиционера. — Правда?

— Бокалы для красного вина мне очень понравились. — Я переплела пальцы с его пальцами, чтобы придать убедительности своим словам. Меня передегивало при мысли о «наборах». У нас неизбежно появятся шесть тарелочек для хлеба, четыре салатницы и восемь столовых тарелок, но их фарфоровое семейство никогда не пополнится и немым укором останется стоять на столе. Люк, несмотря на мои протесты, будет порываться упрятать их в буфет, но в один прекрасный день спустя много месяцев после свадьбы меня охватит непреодолимое желание поехать в центр города и ворваться, как боевая домохозяйка, в посудный магазин «Уильямс-Сонома», где мне с прискорбием сообщат, что посуду с орнаментом «Лувр» больше не выпускают.

— Зайдем в пиццерию? — предложила я.

Счастливые девочки не умирают

Люк рассмеялся и ущипнул меня за бедро.

— И куда это все девается?

Моя рука, вложенная в его руку, напряглась.

— Уходит во время тренировок, наверное. Умираю с голоду! — Я соврала. Меня все еще мутило после обеда — сочного сэндвича с говядиной, необъятного, как список приглашенных на нашу свадьбу. — Пойдем в «Пэтсиз»? — как можно более непринужденно сказала я. На самом деле я давно мечтала ухватить треугольничек пиццы с толстыми тянущимися нитями белого сыра, которые приходится обрывать пальцами, стаскивая при этом кругляшок моцареллы с соседнего куска. Эта дразнящая картинка стояла у меня перед глазами с прошлого четверга, когда мы решили, что в воскресенье наконец составим список гостей. («Все спрашивают, Тиф». — «Я знаю, мам, мы этим займемся». — «До свадьбы всего пять месяцев!»)

— Я не голоден. — Люк повел плечами. — Но если тебе хочется...

Как мило с его стороны.

Держась за руки, мы пошли по Лексингтон-авеню. Из магазина «Виктория секрет» выбегали крепконогие тетки в светлых бриджах и ортопедических туфлях, груженные новинками, которые пока еще не завезли в Миннесоту. По тротуару проносились эскадроны длинноногих барышень с Лонг-Айленда. По их медовым икрам, как побеги плюща по стволу дерева, вились тонкие ремешки сандалий. Барышни на ходу окидывали взглядом Люка, потом меня. Придаться им было не к чему. Я на славу потрудилась, чтобы стать достойной соперницей. Мы свернули налево и, не доходя до Шестидесятой улицы, свернули направо. Когда мы пересекли Третью аве-

ню и вошли в пустой ресторан, было всего пять часов пополудни. Беззаботные ньюйоркцы еще сидели за поздним завтраком. Когда-то я была одной из них.

— Столик на террасе? — спросила администратор зала. Мы кивнули. Она подхватила две карты меню с пустующего сервированного стола и жестом пригласила следовать за ней.

— Бокал «Монтепульчано», пожалуйста.

Администратор оскорбленно вздернула бровь, наверняка подумав про себя: «Я вам не официантка!», но я лишь мило ей улыбнулась: «Я к вам со всей душой, а вы? Ай-яй-яй, как не стыдно».

— Что вам? — обратилась она к Люку.

— стакан воды, — ответил он и, когда администратор ушла, добавил: — Не понимаю, как ты можешь пить красное вино в такую жару.

Я дернула плечом.

— Белым пиццу не запивают.

Белое приберегалось для тех вечеров, когда я чувствовала себя невесомой и привлекательной. Когда мне удавалось закрыть глаза на блюда из макарон, присутствующие в меню. Однажды для колонки в «Женском журнале» я написала такой совет: «Исследования подтверждают, что, закрывая карту меню после того, как сделан заказ, вы с большей вероятностью останетесь удовлетворены своим выбором. Поэтому без колебаний заказывайте камбалу на гриле, не то начнете пожирать глазами спагетти болоньезе». Лоло, моя начальница, подчеркнула фразу «пожирать глазами спагетти» и приписала: «Умора». Господи, я всей душой ненавижу камбалу на гриле!

— Итак, что нам осталось? — спросил Люк и откинулся на спинку стула, забросив руки за голову,

Счастливые девочки не умирают

будто собрался качать пресс. Кажется, он не осознавал, что эта фраза неизменно ведет к ссоре. У меня потемнело в глазах, но я поспешила унять гнев.

— Много чего. — Я принялась загибать пальцы. — Напечатать приглашения, меню, программки, гостевые карточки. Мне надо найти парикмахера, визажиста и продумать фасон платьев для подружек невесты. И еще раз обсудим свадебное путешествие — я не хочу в Дубай, вот не хочу, и всё. Знаю-знаю, — я подняла руки, прежде чем Люк успел вставить слово, — мы не можем проваляться весь отпуск на Мальдивах, пляж и пальмы быстро приедаются. Давай поедem на пару дней в Лондон или Париж?

Люк кивал с задумчивым видом. Веснушки, круглогодично обитавшие на его носу, к середине мая добирались до висков и оставались там до Дня благодарения. Мы с Люком встречались уже четыре года; с каждым годом, с каждым часом здорового, полезного активного отдыха — бег, серфинг, гольф, кайтинг — золотые веснушки на носу Люка множились, как раковые клетки. Одно время он и меня заразил нездоровой страстью к движению, эндорфинам, к жизни на полную катушку. Даже похмелье не могло лишить его бодрости. Раньше по субботам я ставила будильник на час дня, что неизменно приводило Люка в умиление. «Ты такая маленькая, спишь как сурок», — говаривал он, расталкивая меня после полудня. «Маленькая». Еще одно прилагательное, которое я не перевариваю в отношении себя. Когда меня наконец назовут худощавой?

В конце концов я рассказала ему все как есть. Мне требуется спать не меньше, чем другим людям. На самом деле, когда со стороны кажется, будто я

вижу десятый сон, я не сплю. Не могу себе представить, чтобы я добровольно погрузилась в бессознательное состояние одновременно со всеми. Я засыпаю — и действительно сплю, а не лежу в полудреме, которой перебиваюсь в течение недели, — только когда из-за башни Свободы вырывается солнце, согнав меня на другой край кровати, когда сквозь сон слышно, как на кухне возится Люк, готовя омлет из белков, а соседи выясняют, чей черед выносить мусор. Когда я получаю обыденные подтверждения того, что жизнь скучна, заурядна и не может вселять страх, когда в ушах стоит неясный гул, — только тогда я могу заснуть.

— Надо каждый день заниматься чем-то одним, — заключил Люк.

— Люк, я каждый день чем-нибудь занимаюсь, и не одним, а всем сразу.

Ответ, вопреки моим намерениям, прозвучал резковато. Я не имела никакого морального права на резкость: мне действительно следует каждый день заниматься подготовкой к свадьбе, однако я тупо пялюсь в экран ноутбука и грызу себя за то, что не занимаюсь этим каждый день. И это отнимает куда больше времени и нервов, чем сама чертова подготовка к свадьбе, а значит, у меня есть право злиться в свое удовольствие.

Вообще-то один вопрос я все-таки держала под контролем.

— Ты себе не представляешь, как я намучилась с приглашениями!

Свадебную полиграфию поручили китайке, тонкой, как тростинка, чья природная робость приводила меня в бешенство. Я забросала ее вопросами: правда ли, что напечатанные приглашения дешево

Счастливые девочки не умирают

выглядят? Заметят ли, если приглашения набрать шрифтом, а адреса написать от руки? Одно неверно принятое решение — и меня разоблачат. Я жила в Нью-Йорке уже шесть лет — что равнозначно обучению в магистратуре по специальности «Как легко и непринужденно выглядеть состоятельной особой и современной горожанкой». В первом же семестре выяснилось, что сандалии «Джек Роджерс», фетиш студенческих лет, буквально кричали: «Мой провинциальный колледж с гуманитарным уклоном навсегда останется для меня центром Вселенной!» Я перешла в новую систему координат, а потому выкинула на помойку свои белые, золотистые и серебряные пары. Затем пришло понимание, что свадебный салон «Клейнфельд», казавшийся таким роскошным и воплотившим в себе самый дух Нью-Йорка, на самом деле штампует безвкусные наряды для жительниц предместий. Лично я присмотрела небольшой бутик в Нижнем Манхэттене, где на вешалках с достоинством покоились тщательно отобранные модели от «Маркеса», «Рим Акра» и «Кариолы Эррера». Чего уж говорить о темных переполненных клубах, где яростно ревет музыка, а вход огорожен красным канатом, за которым бычится дородный охранник. Разве уважающие себя горожане станут проводить там вечер пятницы? Нет, конечно: мы идем в дешевую забегаловку где-нибудь в Ист-Виллидж, заказываем порцию салата фризе за шестнадцать долларов и запиваем его водкой с мартини. При этом на ногах у нас задрипанные на вид ботинки «Рэг энд Боун» стоимостью четыреста девяносто пять долларов.

У меня ушло шесть долгих лет, чтобы достичь своего теперешнего положения: жених-финансист; имя,

на которое всегда зарезервирован столик в модном ресторане «Локанда Верде»; сумочка от «Хлое» на сгибе локтя (не от «Селин», конечно, но и не чудовищный баул от «Луи Виттон», который некоторые выставляют напоказ как восьмое чудо света). Шесть лет я неспешно оттачивала мастерство. Но когда планируешь свадьбу, темпы обучения резко возрастают. Оглашаешь помолвку в ноябре, месяц входишь в курс дела, и тут как снег на голову: ресторан в деревенском стиле, где ты мечтала устроить свадебный банкет, вышел из моды, и теперь последний писк — это переоборудованные старые банковские здания, стоимость аренды которых стартует от двадцати тысяч долларов. Еще два месяца штудируешь журналы для молодоженов, советуешься с гомосексуалистами из «Женского журнала» — и случайно выясняешь, что современная девушка с хорошим вкусом ни за что не наденет свадебное платье без бретелек. Остается каких-то три месяца, чтобы найти свадебного фотографа, который не снимает претенциозных портретов (а такого днем с огнем не сыщешь), подобрать оригинальный фасон платья для подружек невесты и найти флориста, который отыщет летом анемоны, потому что пионы — это для дилетантов. Один неверный шаг — и сквозь умеренный искусственный заггар проступит вульгарная итальяшка, которая шагу не умеет ступить. Я-то надеялась, что к двадцати восьми годам смогу расслабиться и завязать с самоутверждением. Однако с возрастом эта схватка становится все более ожесточенной.

— А ты до сих пор не передал каллиграфу адреса своих гостей, — сказала я, хотя втайне порадовалась возможности лишний день потерзать пугливую китаянку.

Счастливые девочки не умирают

— Составляю, — вздохнул Люк.

— Мне нужны адреса на этой неделе, иначе каллиграф не успеет надписать конверты к сроку. Я уже месяц тебя прошу.

— Я был занят!

— А я, значит, не была?

Склока. Куда противней, чем жаркий скандал, сопровождаемый битьем посуды, разве нет? По крайней мере, после скандала можно заняться сексом прямо на полу кухни посреди впивающихся в спину осколков с орнаментом «Лувр». Ни один мужик не воспламенится желанием сорвать с тебя одежду после того, как ты желчно сообщишь, что он забыл смыть за собой в туалете.

Я судорожно сжимала и разжимала кулаки, представляя, будто из кончиков пальцев вырывается липкая паутина ярости. Ну же, говори!

— Извини. — Я вздохнула как можно более жалобно, чтобы придать больше весу своим словам. — Просто я очень устала.

Лицо Люка просветлело, словно невидимая рука стерла следы раздражения, вызванного моей резкостью.

— Сходи к врачу, пусть пропишет тебе снотворное.

Я покивала с согласным видом; снотворное — это слабость в форме таблеток. Что мне действительно нужно, так это вернуться в прошлое и заново пережить начало нашего романа, тот просвет, когда ночь ускользала от меня, но я, лежа в объятиях Люка, не стремилась за ней угнаться. Несколько раз, очнувшись в темноте, я видела, что даже во сне уголки губ Люка загнуты кверху. Его добродушие, словно отравы, которой мы обрабатывали летний домик его

родителей на острове Нантакет, было действенным средством против неизбежного, тревожного ожидания катастрофы. Однако со временем — если говорить начистоту, около восьми месяцев назад, когда мы обручились, — бессонница вернулась. Я снова отпихивала Люка, когда он пытался вытащить меня на утреннюю пробежку по Бруклинскому мосту, — а мы неизменно бегали по субботам в течение почти трех лет. Чувства Люка не похожи на слюнявую щенячью любовь — он явно видит спад в наших отношениях, но, как ни странно, только сильнее ко мне привязывается. Он словно задался целью снова меня изменить.

Я не из тех самоотверженных женщин, которые якобы не догадываются о своей тихой красоте и своеобразном очаровании, однако было время, когда я все-таки недоумевала, что Люк во мне нашел. Я красивая. Красота дается мне нелегко, но исходное сырье хорошего качества. Я на четыре года младше его — хотя, конечно, жаль, что не на восемь. Я люблю «экспериментировать» в постели. И, хотя под «экспериментом» мы понимаем совершенно разные вещи, у нас, по меркам Люка, отпадный секс. Да, я хорошо представляю, чем могла его привлечь, но в любом баре средней руки полным-полно девушек ничем не хуже меня, улыбчивых, готовых опуститься перед Люком на карачки по первому его слову, размахивая блондинистой, отнюдь не крашеной гривой. Девушек, выросших в домиках из красного кирпича, окна которых забраны белыми ставнями, а задний фасад не обшит дешевыми панелями, как дом моих родителей. Однако ни одна из этих правильных девушек никогда не сможет дать Люку то, что даю я, — ощущение ходьбы по краю. Я — тот

Счастливые девочки не умирают

ржавый, замаранный клинок, который грозит распороть аккуратные швы, скрепляющие звездную жизнь Люка. И ему нравится ходить по краю, нравится играть с огнем. По правде говоря, он не хочет знать, на что я способна, какие раны могу нанести. В отношениях с Люком я всегда нащупывала границы, пробовала их на прочность, определяя, когда «еще терпимо», а когда — «уже слишком». Но я начинаю уставать.

Администратор со стуком поставила передо мной бокал, нарочно расплескав вино. Рубиновая жидкость заструилась по тонкой стеклянной ножке, собравшись у основания, как кровь, выступившая по краям огнестрельной раны.

— Пожалуйста! — скрипнула эта змея, одарив меня самой ядовитой усмешкой, какая только нашлась в ее арсенале.

Занавес взметнулся вверх, вспыхнули раскаленные софиты. Представление началось.

— О боже, — охнула я и постучала ногтем по передним зубам. — Кусок шпината. Прямо здесь.

Администратор стыдливо прикрыла рот рукой и покраснела чуть ли не до шеи.

— Спасибо, — проямлила она и исчезла.

Голубые глаза Люка округлились.

— Там ведь ничего не было.

Пригнувшись, я схлебнула винную лужицу прямо со стола, чтобы ни одна капля не упала на мои белые джинсы. Никогда не задевайте богатую белую стерву в белых джинсах.

— Не было. Я просто ее наколола.

Громкий хохот Люка был мне овацией. Он покачал головой.

— А ты, оказывается, та еще штучка!